

Настоящий кинжал точить не надо

ОРЛОВСКИЙ КУЗНЕЦ НИКОЛАЙ ТИМОНИН ИЗГОТАВЛИВАЕТ ЭКЗОТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Николай Тимонин:
Когда-то, увидев огненный расплавленный металл, понял: это моё. Ни разу о том не пожалел. С помощью таких нехитрых орудий производства куёт холодное оружие

— Чтобы оружие было самозатачивающимся, его делают по старой дамасской технологии, — поясняет кузнец Николай Тимонин. — То есть берут два металла разной крепости и проковывают их до однородности. Сгибают пополам — и снова. И так, пока слоёв станет несколько десятков, а то и сотен.

Окончательно прокованная заготовка называется пакет. Клинок из неё выходит чем дальше, тем острее: со временем слои так называемого сырого железа стираются, а углеродистые слои остаются, вот с каждым ударом и происходит заточка.

Крепость лезвия проверяется просто: когда-то учитель Николая брал в руки свежеизготовленный русский меч и делал им глубокий надруб на... зубиле. Зубило, вы знаете, само что угодно перерубит.

— Наши мастера владели дамаском отлично. Воины-витязи его любили. А вот знаменитый индийский булат даже в руки не брали. Он хоть ещё более крепкий, но на морозе лопался.

«Всё куплю», — сказала злато; «всё возьму», — сказал булат» — по Пушкину. Булатом в легендах звали именно дамаск, называемый в жизни харалугом (в современной науке есть даже термин «харалужская дамаскировка», да и в «Слове о полку Игоревом» харалуг с одобрением упоминается). Это при том, что в самом Дамаске никогда не было редкостных оружейных мастерских, был лишь богатый оружейный рынок.

В общем, чтобы закончить с историей, скажем, что дамасской технологией тщательной проковки двух металлов владели ещё в железном веке. А булатных дел мастеров вывез из Индии Александр Македонский, да так до вождя своей Греции и не довёз.

— Булат, делающийся поначалу не ковкой, а литьём, ещё в восемнадцатом веке воссоздал наш знаменитый уралец Павел Аносов, — азартно говорит **орловский мастер Тимонин**. — Причём всех видов: полосатый, коленчатый, гроздевидный, который самый крепкий, потолочный. Но всё равно дамаск далеко превзошёл его по мировой славе.

Дамаск практичен и красив; одни его узоры, подчёркиваемые кислотным травлением, чего стоят! Они возникают из-за разности углерода в обоих, сливаемых почти до молекулярного уровня, металлах. Если количество слоёв довести до предела, узоры исчезают. — Главный секрет не в узорах, а в закалке. Иногда у меня случалось: закалю, аж надфиль по лезвию будто по стеклу елозит, а через неделю весь клинок вновь как сыромятина. То есть незакалённый. Думал, промухоловил что-то, поехал в Суздаль, где учился когда-то. Тамошние клиночники говорят: «Ты всё правильно делал, но и у нас тоже иной раз так бывает. Проковывай не до сотен слоёв, а до тысяч, а то и до миллиона». Я сделал двадцать один миллион, проблема с закалкой отпала.

На кузнечном столе что-то кривое, вдетое в кривые же деревянные ножны. Явно восточное.

— Это тоже дамаск, старинная иранская сабля, таких в частных коллекциях мира всего с десяток. Её прелесть в том, что вся покрыта травлеными узорами, неповторимыми в каждом экземпляре. Мне её один американец заказал, да с деньгами пожмотился — думал, с папуасами торгуется. Я его послал на фиг и рисунок травить пока не стал.

— А вот это что-то вроде самурайского меча...

— Точно. Это уж я сам пробую. Японцы делают что-то среднее между дамаском и булатом, вольфрам для крепости добавляют, я его на Сахалине видел, когда в стройотряде от Орловского пединститута в восьмидесятом году был. Там песок с примесью вольфрама сам на магнит липнет, а это ещё какой флюс!

Николаю почти пятьдесят пять, но мастерской до сих пор не нашёл, арендует кузнечный уголок на одном заводе, с заводчанами от ношения хорошие: ведь он человек спокойный и безотказный.

До сих пор друзья с восхищением вспоминают, как Тимонин, ничьих просьб не ожидая, выковал на могилу общего приятеля великолепную ограду: четыре славянские колонны, сделанные под дуб с резными металлическими листьями.

Понравившемуся человеку дарит свои поделки без раздумий, хоть они и редкостные. Жена и дети дело Николая понимают, страсть его к истории и особенно к Победе сорок пятого вполне разделяют.

— Вот изогнутый штык винтовки Мосина, обвитый цветком. Тут великая цена жизни. Хочу ещё в советской каске выковать что-то вроде гнезда с двумя птичьими яичками. Солдат умер, а жизнь ему благодарна.

Военную службу Николай проходил в Бресте, где в первые дни войны погиб его родной дядя. Ещё и поэтому патриотическая тема — одна из главных у мастера. Тимонинские работы были на выставках, московских днях орловской культуры, на Днях славянской письменности.

Каждый день его ждут наковальня, печь, молот.

Юрия Фильчаков

Фильчаков, Юрий. Настоящий кинжал точить не надо [Текст] : орловский кузнец Николай Тимонин изготавливает экзотическое оружие / Юрий Фильчаков // Орловская правда. – 2012. – 21 ноября. – С. 4.